

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ КАК СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ИПОСТАСЬ АВТОРА В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

Красникова С.А.

Харьковский государственный медицинский университет

Аннотация. В статье на материале романа М.А.Булгакова «Белая Гвардия», проведен многоплановый анализ проблемы повествователя, выделенной из широкого круга проблем, касающихся стилевой структуры художественного произведения. Показано, что в «Белой гвардии» доминирует персональное повествование, изображающее действительность с познавательно-оценивающей перспективы отдельных персонажей, насыщенное экспрессивно-смысловыми формами их речи и сознания.

Ключевые слова: повествователь, персональность, стилевая структура художественного текста, М. Булгаков, «Белая гвардия».

Анотація. Краснікова С. А. Оповідач як стилістична іпостась автора в романі М. Булгакова «Біла гвардія». На матеріалі роману М.А.Булгакова «Біла гвардія» ретельно проаналізовано проблему оповідача та типу оповідання як складової художньо-стилістичної структури тексту. Доведено, що у романі М.Булгакова «Біла гвардія» домінує персональне оповідання, що зображує дійсність з пізнавально-оцінної точки зору окремих персонажів, тип розповіді про події тексту слід визнати такими, що мають значну насиченість експресивно-змістовними формами мовлення персонажів та їх свідомості.

Ключові слова: оповідач, персональність, стилєва структура художнього тексту, М. Булгаков, «Біла гвардія».

Summary. Krasnikova, S. A. Narrator as a Stylistic Personality of the Author in M. A. Bulgakov's "The White Guard". The subject matter of the study is an issue of the narrator, as a separate one in the wide range of issues concerning stylistic structure of literature work. The author insists that in Bulgakov's novel the personal narration is predominant in depicting artistic reality.

Key words: narrator, personality, stylistic structure of a creative writing, M. A. Bulgakov, "The White Guard".

Проблему повествователя следует выделить из более широкого круга проблем, касающихся стилевой структуры художественных произведений. Среди ученых, занимающихся вопросами стилистики художественного текста (работы В.В.Виноградова, В.Д.Левина, В.В.Одинцова, Б.А.Успенского, А.П.Чудакова, Н.А.Кожевниковой, Е.А.Иванчиковой, И.Я.Чернухиной, В.А.Кухаренко, К.А.Долинина, В.В.Краснянского, А.Т.Гулака и др.), утвердилось мнение, что субъект повествования имманентно заключен в структуре художественного текста и определяется через другие компоненты данной структуры. В результате серьезных научных исследований последних десятилетий стало очевидным, что интерпретация субъекта повествования может быть обоснованной только в том случае, когда она касается явления, которое предварительно было идентифицировано и выделено из семантической ткани произведения.

Опираюсь на привитую Пушкиным русской литературе многоплановость повествования и на пушкинскую манеру изображения внутренних состояний героев путем косвенной, побочной символизации, М.Булгаков в романе «Белая гвардия» в то же время усложняет этот пушкинский прием (в духе литературных принципов XX века, особенно русской орнаментальной прозы) – за счет расширения плана персонажа, увеличения сценичности изложения в композиции романа. При этом усложняется и стилистическая структура самого повествователя. Повествователь в «Белой гвардии» близок к миру главных героев романа. Он как бы вращается в кругу изображаемых лиц и событий, то сочувствуя своим героям, то беззлобно иронизируя над ними. Он погружен в ту же эмоционально-семантическую сферу, что и герои, его восприятие внешнего мира близко восприятию мира тем или иным персонажем, а нередко даже сливается с ним.

В романе Булгакова доминирует персональное повествование. Повествователь не только смотрит на окружающий мир глазами героя в плане пространственной характеристики, но и нередко проникает в психологию последнего, ориентируясь на его речь. Несобственно-прямая речь (НСПР) выступает одним из основных средств передачи мыслей и переживаний героя. Персональное повествование неразрывно связано с НСПР. «Как только в произведении появляется несобственно-прямая речь, в той или иной степени воспроизводящая процесс мышления персонажа и минимизирующая временную дистанцию между повествователем и персонажем, – можно говорить об использовании в нем элементов персонального повествования»¹. Идущее как бы на грани двух сознаний (повествователя и персонажа) повествование в «Белой гвардии» все время «срывается» в НСПР, содержащую в себе особенности речи и мышления героя.

При изображении внутреннего состояния героя используется, как правило, крупный план. Использование крупного плана предполагает «изображение действительности с близкого расстояния, небольшой отрезок времени и пространственную ограниченность»². Применяются обычно стилистические формы динамического описания, окрашенные субъективными оттенками экспрессии. Внутренние монологи обоих типов вторгаются в повествование, сменяя друг друга и усиливая экспрессивность воспроизводимой сцены.

Переход на позицию персонажа осуществляется здесь резким сдвигом в плоскость его сознания. Этот сдвиг обозначен интонационно – включением следующих друг за другом восклицаний, в которых слышится непосредственный голос героя. Движение повествовательных форм также подчинено здесь передаче взволнованного состояния персонажа, его восприятия и оценки переживаемого момента. В «Белой гвардии» преобладает повествование, изображающее действительность с познавательно-оценивающей перспективы

отдельных персонажей, преимущественно главных героев романа.

Но в это доминирующее в булгаковском романе персональное повествование многократно вмешивается другой повествователь, располагающий если не всеведением, то во всяком случае иным знанием, более «высоким», чем то, которым располагает повествователь-посредник.

Этот другой (близкий к всеведению) повествователь дает в зачине романа общую лиро-эпическую характеристику изображаемого периода: «Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилён летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская – вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс»³. В финале романа повторяется библейски-торжественная фраза зачина (с некоторой модификацией в конце, где как бы намечается дальнейшая трагическая перспектива развития событий) и те же образы – Марс и Венера, олицетворяющие извечный удел человечества – войну и любовь. Ср.: «Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, но 1919 был его страшней»⁴ и несколько ниже: «Играли звезды, сжимаясь и расширяясь, и особенно высоко в небе была звезда красная и пятиконечная – Марс»⁵ и через пробел: «Играла Венера красноватая, а от голубой луны фонаря временами поблескивала на груди человека ответная звезда. Она была маленькая и тоже пятиконечная»⁶.

Таким образом, эти стилистически-приподнятые фрагменты образуют рамку – как в содержательном, так и в собственно стилистическом плане. Изображенные в романе события охватывают период с декабря 1918 по февраль 1919 года. В стилистическом аспекте библейски-торжественное обрамление романа контрастно противостоит описанию многих военных и бытовых картин (ср. «сниженную» сцену с пьяным Мышлаевским, ср. изображение прячущего деньги Василисы, ср. изображение военных действий полковников Торопца и Болботуна, многочисленных массовых сцен с городскими обывателями, столкновения Алексея Турбина с пьяным прапорщиком и мн. др.).

Следует отметить в романе две основные стилистические линии: одну – стилистически-возвышенную, связанную с повествователем, находящимся над миром изображенных героев и событий; другую – стилистически-нейтральную, временами даже несколько «сниженную», идущую в русле персонального повествования.

С возвышенным библейским тоном согласуется в романе тон повествователя, воспроизводящего второй сон Алексея Турбина – величественную картину-панораму Города, каким он был в мирное и счастливое для Турбиных время⁷.

Тот же тон – в эмоционально насыщенных утверждениях-обобщениях повествователя, близкого к всеведению: «...И было другое – лютая ненависть. Было четыреста тысяч немцев, а вокруг них четырежды сорок раз четыреста

тисяч мужиков с сердцами, горящими неуголенной злобой. О, много, много скопилось в этих сердцах. И удары лейтенантских стеков по лицам, и шрапнельный беглый огонь по непокорным деревьям, спины, исполосованные шомполами гетманских сердюков, и расписки на клочках бумаги почерком майоров и лейтенантов германской армии... И реквизированные лошади, и отобранный хлеб, и помещики с толстыми лицами, вернувшиеся в свои поместья при гетмане, - дрожь ненависти при слове «офицерня»⁸.

Позиция повествователя, находящегося над изображенным миром, обнаруживается также в афористичных высказываниях, в обобщенной, свернутой форме представляющих жизненный и психологический опыт повествователя. Они обычно предшествуют сообщениям о ходе событий, который как раз и подтверждает заключенные в них истины. Структурные формы их весьма разнообразны. Они могут являться частью (предикативной единицей) сложного предложения, например: *«Но дни и в мирные и в кровавые годы летят как стрела, и молодые Турбины не заметили, как в крепком морозе наступил белый, мохнатый декабрь»*⁹; могут представлять собою развернутую синтаксическую конструкцию, например: *«Достаточно погнать человека под выстрелами, и он превращается в мудрого волка; на смену очень слабому и в действительно трудных случаях ненужному уму вырастает мудрый звериный инстинкт. По-волчьи обернувшись на угонке на углу Мало-Провальной улицы, Турбин увидал, как черная дырка сзади оделась совершенно круглым и бледным огнем, и, надав ходу, он свернул в Мало-Провальную, второй раз за эти пять минут резко повернув свою жизнь»*¹⁰; могут облекаться в целую цепь предложений, выливаясь в предложение, являя собою своеобразный внутренний эмоциональный жест: *«А потом...потом в комнате противно, как во всякой комнате, где хаос укладки, и еще хуже, когда абажур сдернут с лампы. Никогда. Никогда не сдергивайте абажур с лампы! Абажур священен. Никогда не убегайте крысьей побегской на неизвестность от опасности. У абажура дремлите, читайте – пусть воет вьюга, - ждите, пока к вам придут. Тальберг же бежал»*¹¹; могут развертываться в серию амплифицированных эмоционально-оценочных сравнений, вводимых анафорической группой: *«О, только тот, кто сам был побежден, знает, как выглядит это слово! Оно похоже на вечер в доме, в котором испортилось электрическое освещение. Оно похоже на комнату, в которой по обоям ползет зеленая плесень, полная болезненной жизни. Оно похоже на рахитиков демонов ребят, на протухшее постное масло, на матерную ругань женскими голосами в темноте. Словом, оно похоже на смерть»*¹².

Афористичные высказывания выполняют важную функцию в романе: «они указывают на пространство, в котором существует повествователь, устанавливающий контакт с читателем и как бы отсылающий последнего к правилам всеобщего значения, к истинам, установленным в коллективном

сознании»¹³. Иными словами, они актуализируют повествовательную ситуацию, приоткрывают обращенный лицом к читателю образ повествователя.

Таким образом, в «Белой гвардии» доминирует персональное повествование, изображающее действительность с познавательно-оценивающей перспективы отдельных персонажей, насыщенное экспрессивно-смысловыми формами их речи и сознания. С ним сочетается повествование, организованное точкой зрения рассказчика, близкого к всеведению. В романе наблюдается постоянное изменение аспекта повествования и необычайная текучесть переходов между персональным повествованием и повествованием рассказчика, находящегося над изображенным миром¹.

Литература:

- ¹ Гулак А.Т. Стилистика романа Л.Н.Толстого «Война и мир».- Харьков: ХГПУ, 1995. С. 44-45.
- ² Брандес М.П. Стилистический анализ.- М.: Высш. шк., 1971. С.115.
- ³ Булгаков М.А. Избр. Произв.: В 2-х т. Т. 1.- К.: Дніпро, 1989. С. 26.
- ⁴ Булгаков М.А. Там же. С. 277.
- ⁵ Булгаков М.А. Там же. С. 278.
- ⁶ Булгаков М.А. Там же. С. 282.
- ⁷ Булгаков М.А. Там же. С. 66-67.
- ⁸ Булгаков М.А. Там же. С. 78-79.
- ⁹ Булгаков М.А. Там же. С. 26.
- ¹⁰ Булгаков М.А. Там же. С. 201.
- ¹¹ Булгаков М.А. Там же. С. 43.
- ¹² Булгаков М.А. Там же. С. 81-82.
- ¹³ Гулак А.Т. Стилистика романа Л.Н.Толстого «Война и мир».- Харьков: ХГПУ, 1995. С108.

Проблематика, затрагиваемая в настоящей работе, чрезвычайно интересна и актуальна, особенно с учетом успешно развивающихся в современной гуманитарной науке междисциплинарных исследований, в частности, нарратологии и неориторики. Тщательно прорабатывается она и в рамках Московской школы семантических исследований, в частности, в работах Е.В. Падучевой, см.: Падучева Е.В. Семантические исследования, - М.: Школа Языка русской культуры, 1994. (Прим ред.)

Надійшла до редакції 26.02.2007